

Алексей Мартынюк

Когда родился князь Ростислав Михайлович и почему важна эта дата?

Что мы знаем о князе Ростиславе Михайловиче

В начале нашей работы представим некоторые общие вехи биографии князя. Ростислав был сыном Михаила Всеволодовича, главы черниговского княжеского дома, яркой фигуры истории Руси первой половины XIII в., святого мученика († 1246 г.), прославленного церковью. Его матерью была неизвестная по имени дочь волынского и галицкого князя Романа Мстиславича, сестра Даниила «Галицкого»¹; таким образом, Ростислав являлся родным племянником своего главного соперника в борьбе за Галич. Год рождения Ростислава неизвестен — этот вопрос и является предметом рассмотрения в данной статье. Михаил Всеволодович активно привлекал сына к делам правления: в 1230 г. он посадил Ростислава княжить от своего имени в Новгороде, а в 1238 г. — в Галиче. Так Ростислав стал активным участником политической борьбы в землях Галицкого княжества, в этой борьбе он опирался на помощь венгерского короля Белы IV, на дочери которого был женат с 1243 г. Однако в битве под Ярославом 17 августа 1245 г. Ростислав потерпел поражение от князя Даниила Романовича, что решило исход борьбы за Галич. После этого он «выбыл» из истории Руси, его политическая деятельность продолжилась на землях Венгерского королевства. Бела IV передал своему зятю специально созданный для него банат Мачва (земли между Дунаем, Савой и Дриной). Князь Ростислав участвовал в военных походах венгерского государя в Австрии и в Чехии, а в 1256 г. вмешался в политическую борьбу в Болгарии и провозгласил себя царём этой страны. Яркая политическая биография Ростислава была прервана его смертью ок. 1264 г.

1 Биограмму княгини см.: Домбровский Д. *Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до XIV в.)*. Санкт-Петербург, 2015, 304–308. Данная биограмма является сегодня наиболее полной сводкой сведений источников и высказанных в историографии мнений об этой представительнице династии. Исследователь подчёркивает, что закрепившееся в литературе имя княгини (Елена) не имеет надёжного основания в источниках; поэтому мы в дальнейшем изложении берём это имя в кавычки.

Даже такой краткий обзор показывает уникальность личности и судьбы Ростислава Михайловича, действовавшего в драматическое время «кризиса средневековой Руси» (по терминологии Дж. Феннела) на стыке истории Древней Руси, стран латинского мира и средневековых Балкан. Научный интерес к биографии князя сформировался уже в середине XIX в., ему посвятили самостоятельные исследования «отец чешской историографии» Франтишек Палацкий² и российский историк-славист Спиридон Палаузов³. Однако затем более чем на полтора столетия князь Ростислав выпал из поля зрения исследователей. Вероятно, личность и деятельность его оказались в тени монументальной фигуры князя Даниила Романовича «Галицкого», который был «канонизирован» в современной украинской историографии как создатель «Галицко-Волынской державы» — прообраза независимого украинского государства. Ростислав и его отец Михаил стали восприниматься прежде всего как антиподы Даниила. Основания для этого, как мы увидим ниже, были заложены уже в источниках XIII в.

В начале XXI в. научный интерес к Ростиславу Михайловичу возродился, можно даже говорить о своеобразном «Ростиславовом ренессансе». Представляется, что фигура этого представителя черниговской династии привлекает современных исследователей своим культурным контекстом и эвристическим потенциалом. Биография князя открывает возможности для изучения многих тем, популярных сегодня в историографии: проблематика культурного пограничья и адаптации в иной среде, сравнение политических и социальных практик на землях Руси и в соседних странах, вопросы конфессиональной истории и др. В последнее десятилетие имя Ростислава Михайловича заняло прочное место в статьях и дискуссиях на научных конференциях. После почти более чем полуторастолетнего перерыва в 2019 г. появилось и посвящённое Ростиславу новое монографическое исследование, подготовленное историком из Сербии Дюрой Харди⁴. Значительное внимание фигуре князя уделил в своей книге и автор данных строк⁵. В целом можно сказать, что уникальная биография правителя, действовавшего «поверх границ», интригует исследователей и интегрирует научные интересы историков из многих стран Восточной и Центральной Европы — Беларуси, Болгарии, Венгрии, Польши, России, Сербии, Словакии, Украины, Чехии и иных.

2 Палацкий Ф. *О русском князе Ростиславе, отце чешской королевы, Кунгуты, и о роде его*. М., 1846.

3 Палаузов С.Н. *Ростислав Михайлович, русский удельный князь на Дунае*. СПб., 1851.

4 Харди Т. *Итинерариј Ростислава Михаиловича*. Сремска Митровица, Нови Сад, 2019. Содержание данной книги значительно шире её названия, по сути это первая биография князя, подготовленная на современном научном уровне. Мы полагаемся на выводы сербского коллеги во всех вопросах, связанных с хронологией жизни Ростислава — за исключением вопроса о дате его рождения. Собственно итинерарий князя представлен в данном издании на стр. 123–126.

5 Мартынюк А.В. *До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII — начало XVI века)*. М., 2019.

Именно дискуссии последних лет, состоявшиеся на научных форумах в разных городах и странах, стали для автора толчком к написанию настоящего текста. Почти на каждой конференции в области восточноевропейской медиевистики, в которых приходилось участвовать, упоминалось имя Ростислава Михайловича, после чего возникал «вечный вопрос»: а когда, собственно, он родился, и с какого момента можно отсчитывать его политическую биографию? В дискуссии традиционно оказываются представлены две позиции: согласной одной из них князь появился на свет во второй половине 1220-х гг. (основания для этого изложены ниже), согласно второй — в 1210-х или в начале 1220-х гг. (без дополнительной конкретики, которая и невозможна из-за отсутствия свидетельств источников в пользу этой версии)⁶. Научную остроту данному вопросу придаёт не сугубо биографический или генеалогический интерес, а то обстоятельство, что от ответа на него зависит понимание контекста борьбы за Галич в 1230-х и 1240-х гг. Как правило, всем участникам дискуссии уже известны основные аргументы «за» и «против» разных версий о времени рождения Ростислава, однако полемика каждый раз завершается общими рассуждениями, что «на данный вопрос источники не позволяют дать определённого ответа». По нашему мнению, ответу на вопрос о дате рождения Ростислава препятствует не состояние источников, а желание противопоставить Даниилу Романовичу достойного противника, соразмерного ему, в том числе, и по возрасту. Это желание, в свою очередь, является следствием давления на исследователя монументального образа князя Даниила — воина и государственного деятеля, — созданного предшествующей историографией. Источники, которые позволяют с достаточной степенью уверенности ответить на вопрос о дате рождения Ростислава, доступны исследователям с конца XVIII в. (после публикации текста *Новгородской первой летописи*), и лишь инерция историографической традиции не позволяет дать этого ответа и создаёт ситуацию неопределённости в данном вопросе.

Таким образом, цель представленной статьи — рассмотреть имеющиеся в нашем распоряжении сведения источников и сформулировать основные аргументы в пользу следующей из этих источников вероятной даты рождения Ростислава Михайловича. Исходя из поставленной цели, автор счёл возможным несколько полемически заострить свои аргументы, чтобы вызвать дискуссию и сдвинуть вопрос о дате рождения князя с той мёртвой точки, в которой он пребывает уже более полутора сотен лет (если вести отсчёт от публикаций Ф. Палацкого и С.Н. Палаузова).

Источников и основанных на них аргументов, позволяющих вынести суждение о времени рождения князя Ростислава, немного, но они есть, и их

6 См. рассмотрение данного вопроса у Д. Харди с отсылкой к предшествующей литературе, начиная со мнения В.Н. Татищева, датировавшего (очевидно, совершенно умозрительно) рождение Ростислава 1223-м годом: Харди Ф. *Итинерариј Ростислава Михайловича*, 19–20.

указания достаточно определённые — если их не игнорировать. Рассмотрим те возможности, которые предоставляют нам источники, а именно: 1) свидетельство *Новгородской первой летописи*; 2) возможности типологических параллелей в вопросе княжеских постригов; 3) время вступления в брак.

Что говорит *Новгородская первая летопись*

Впервые Ростислав появляется в источниках (а именно на страницах *Новгородской первой летописи*) при описании событий 1229 г., когда его отец, черниговский князь Михаил Всеволодович, занял новгородский престол. Княжич принял участие в процедуре выборов нового архиепископа, вытянув жребий и выполнив, таким образом, роль вестника Божьей воли:

И рече князь Михаилъ: «да положимъ 3 жрѣбья, да которыи богъ дасть намъ». И положиша на святѣи тряпѣзѣ, имена написавшѣ, и послаша из грѣдницѣ владычѣне княжица Ростислава; изволи богъ служителя собе и пастуха словесныхъ овечь Новугороду и всѣи области его, и выяся Спуридонь⁷.

Текст *Новгородской первой летописи* не содержит прямого указания на возраст Ростислава. Тем не менее, некоторые предположения об этом сделать можно. Достойны внимания обстоятельства первого появления Ростислава на страницах летописи: княжич вытянул жребий и таким образом предстал в роли невольного исполнителя Божьего промысла. Такая миссия скорее предполагает, что он был маленьким ребёнком, через детское неразумение которого напрямую действовала Божья воля, нежели отроком или юношей, обладающим полным осознанием своих поступков. Не настаиваем на такой интерпретации, но считаем возможным обратить внимание и на этот аспект первого упоминания о Ростиславе в источниках.

Ключевое свидетельство о возрасте Ростислава относится к следующему 1230-му году:

Въ то же лѣто князь Михаилъ створи пострѣгы сынови своему Ростиславу Новегородѣ у святѣи Софии и уя влас архепископъ Спиридон; и посади его на столѣ, а самъ поиде въ Църниговь⁸.

Непосредственно после постригов Михаил Всеволодович покинул Новгород, оставив вместо себя на княжеском столе Ростислава. Очевидно, что торжественный обряд постригов (в храме Святой Софии, с участием архиепископа Спиридона — того самого, чей жребий княжич вытянул годом раньше) был призван укрепить положение Ростислава на новгородском столе, создать ему дополнительную легитимацию в «мятежном» городе, укрепить

7 НПЛ: 68.

8 НПЛ: 69.

связи князей черниговского дома с местной политической элитой. Забегая вперёд, отметим, что данный расчёт не оправдался: в том же году в Новгороде начались волнения, в результате которых горожане «княжицю Ростиславу путь показаша с Торожку кь отцеву въ Църниговь»⁹.

Итак, князь Ростислав впервые появляется в источниках в связи с событиями в Новгороде, сначала вместе со своим отцом, а затем — выполняя самостоятельную политическую роль (пусть и формально). Косвенные наблюдения скорее свидетельствуют о том, что он был в это время ребёнком, а не отроком или юношей, хотя эти наблюдения и не могут быть признаны достаточными для вынесения уверенного суждения по данному вопросу. Постановление Михаилом Всеволодовичем Ростислава на самостоятельное княжение в Новгороде не может быть принято в качестве аргумента против его малолетства: в истории Древней Руси есть достаточно примеров, когда малолетние княжичи играли самостоятельную политическую роль — достаточно вспомнить хрестоматийные рассказы *Повести временных лет* о начале княжения Святослава Игоревича в Киеве и его сына Владимира Святославича в Новгороде. Есть такие примеры и в более близкую эпоху: так, княжичи Фёдор и Александр, сыновья Ярослава Всеволодовича, которые покинули город в 1229 г. накануне прибытия туда Михаила Всеволодовича, также находились в детском возрасте, пусть и не были такими малолетними, каким, по нашему мнению, являлся Ростислав¹⁰.

Постриги Ростислава в типологическом ряду княжеских постригов

Вернёмся к рассказу *Новгородской первой летописи* и рассмотрим те возможности, которые он нам предоставляет. Свидетельство о проведении обряда княжеских постригов над Ростиславом является ключевым датирующим признаком, основанием для вынесения суждения о его возрасте¹¹. С такой позицией согласны все исследователи, вне зависимости от того, какие выводы они из этого делают в итоге.

Данные о княжеских постригах в древнерусском летописании рассмотрел недавно Алексей Толочко, на результаты анализа которого мы будем опираться в дальнейшем исследовании¹². Историк убедительно показал, что, вопреки устоявшейся в историографии традиции, нет оснований удревять данный

9 НПЛ: 70. В Торжок Ростислав выехал вместе с посадником Внездом Водовиком незадолго до этого. Вероятно, более точным будет сказать, что верные бояре вывезли княжича из Новгорода в целях обеспечения его безопасности.

10 Фёдор родился в 1220 г., Александр — в 1221 г., даты были установлены В.А. Кучкиным: Кучкин В.А. О дате рождения Александра Невского. *Вопросы истории*. 1986, № 2, 174–176.

11 В рамках данной статьи, говоря о «княжеских постригах», мы будем иметь в виду исключительно *детские* постриги. Вопрос о предсмертных постригах князей в иноческий чин нами не рассматривается.

12 Толочко А.П. Княжеские постриги. *Ruthenica XV* (2019), 91–100.

обычай и искать его корни в дохристианских временах. Информации о детских княжеских постригах немного, она хронологически локализована в сравнительно узком историческом периоде. Первые сведения (два случая) относятся к концу XII в., затем известны три случая в первой трети XIII в. и один случай в начале XIV в. (см. ниже). Это, безусловно, христианский обряд, который происходил с санкции и при участии духовных властей. В случае с Ростиславом его совершил новгородский архиепископ Спиридон. Важно и другое наблюдение исследователя, что все достоверно известные случаи княжеских постригов относятся, по сути, к одной семье — суздальских Мономаховичей. Это постриги Юрия (1191 г.) и Ярослава (1194 г.), сыновей Всеволода Большое Гнездо, постриги Василько и его брата Всеволода (в один день в 1212 г.), сыновей ростовского князя Константина Всеволодовича, и постриги Дмитрия (1302 г.), сына тверского князя Михаила Ярославича. Таким образом, обряд детских княжеских постригов твёрдо локализован в династической традиции князей северо-востока Руси и, по-видимому, является новацией данного княжеского дома, возникшей в конце XII в.¹³

Алексей Толочко проницательно отметил, что и единственный случай княжеских постригов в другой ветви Рюриковичей — в династии черниговских Ольговичей (рассматриваемые в рамках данной статьи постриги Ростислава) — также связан с севером, с Новгородом¹⁴. Можно продолжить эту мысль киевского исследователя. Представляется, что мы можем достаточно определённо увидеть момент «заимствования традиции»: в 1211 г. сестра Михаила Всеволодовича, Агафья, стала женой князя Юрия Всеволодовича, а в 1227 г. дочь Михаила, Мария, вышла замуж за Василька Константиновича — оба князя, как мы видели выше, принадлежали к тем немногим представителям династии Рюриковичей, о которых известно, что они прошли обряд постригов (в 1191 и 1212 гг. соответственно). Очевидно, что именно у своих новых родственников Михаил Всеволодович и позаимствовал «модную» новацию детских постригов. Как уже говорилось выше, очевиден и политический смысл проведения Михаилом этого торжественного обряда, а именно укрепление связей с местной политической элитой. Таким образом, все известные нам княжеские постриги оказываются связанными между собой, принадлежат к одному историческому и династическому контексту. Это важно для целей нашего исследования, поскольку вместо размытой «древней» традиции, где возможны широкие «колебания маятника» в вопросе возраста княжичей во время постригов, мы имеем дело с новацией в чётко очерченном семейном кругу. Такая ситуация даёт нам возможность использовать метод типологических параллелей и попытаться ответить на вопрос о возрасте Ростислава во время

13 Данный вывод обоснован в указанной выше статье А.П. Толочко, к точке зрения которого мы присоединяемся.

14 Толочко А.П. *Княжеские постриги*, 100.

постригов на основе данных о возрасте других княжичей, прошедших этот обряд. Для наглядности представим имеющиеся сведения о княжеских постригах в виде таблицы (на материале статьи А.П. Толочко):

Имя	Дата рождения	Дата пострига	Возраст на момент пострига
Юрий	26 ноября 1188 г.	28 июля 1191 г.	2 года и 8 месяцев
Ярослав	8 февраля 1190 г.	27 апреля 1194 г.	4 года и 3 месяца
Василько	7 декабря 1208 г.	23 мая 1212 г.	3 года и 5 месяцев
Всеволод	18 июня 1210 г.	23 мая 1212 г.	2 года без 1 месяца
Дмитрий	15 сентября 1298 г.	8 ноября 1302 г.	4 года и 2 месяца
Ростислав	—	1230 г.	—

Итак, сведения источников совершенно определённы: княжеские постриги совершались в возрасте около 3 или 4 лет (в возрасте до 2 лет был пострижен только Всеволод; очевидно, это было сделано для того, чтобы провести обряд одновременно с его старшим братом). У нас нет никаких оснований считать, что этот диапазон был более широк и некоторые княжичи проходили этот обряд в более старшем возрасте, например, в 10 и более лет. Перед нами классический типологический ряд, первые пять элементов в котором имеют твёрдую датировку, а дату шестого необходимо установить. Есть все основания завершить этот типологический ряд обоснованным предположением, что и князь Ростислав прошёл постриги в возрасте 3 или 4 года, соответственно годом его рождения следует признать 1226-й или 1227-й. Ещё раз подчеркнём, что сведения источников и следующие из них возможности типологического сопоставления дают совершенно определённую картину — и либо мы опираемся на них и делаем выводы о наиболее вероятной дате рождения Ростислава, либо мы их игнорируем и заменяем рассуждениями общего характера. В последнем случае в вопросе о дате рождения Ростислава Михайловича действительно остаётся «неясность», а дискуссия по этому вопросу может продолжаться до бесконечности.

Время вступления в брак

Князь Ростислав Михайлович был активным участником политической борьбы на землях Южной Руси в 1230-х и 1240-х гг.¹⁵ Михаил Всеволодович активно вовлекал сына в политическую жизнь, садил его на княжение в Нов-

15 Современный российский исследователь Антон Горский охарактеризовал те события как «перманентную войну», дезорганизовавшую жизнь Южной Руси накануне монгольского нашествия и продолжившуюся и после монгольских походов: Горский А.А. *Русь: От славянского Расселения до Московского царства*. М., 2004, 181–188.

городе, Галиче и Чернигове, брал с собой в Польшу и Венгрию. Брак Ростислава должен был стать (и действительно стал) важным политическим событием. Дата и обстоятельства этого брака известны: в 1243 г. Ростислав получил в жёны Анну, дочь венгерского короля Белы IV¹⁶. Супружество укрепило политический союз между князьями черниговского дома и венгерской королевской династией, его прямым следствием стал решающий поход князя Ростислава с венгерским и польским войском за своим «галицким наследством» и битва под Ярославом 17 августа 1245 г. В браке с Анной Ростислав имел многочисленных сыновей и дочерей, Анна пережила мужа и играла важную политическую роль в Венгрии и Чехии в 1260-х и 1270-х гг.¹⁷ Нет никаких оснований считать, что Ростислав был до этого женат во время пребывания на Руси. Очевидно, что он не был женат в 1240 г., когда в первый раз сватался к Анне¹⁸. Таким образом, брак с венгерской принцессой следует признать единственным браком Ростислава Михайловича.

Обратимся к работам Дариуша Домбровского, современного специалиста по генеалогии Рюриковичей¹⁹. На основании обобщения большого фактического материала польский исследователь очертил критерии брачного возраста, который составлял в то время на Руси 14 или 15 лет для мальчиков²⁰. Это *самый ранний порог* допустимого в глазах общества возраста вступления в брак, реальная практика, конечно, была весьма разнообразной. Ситуацию можно сформулировать таким образом: вступление князя в брак до достижения «порогового возраста» (14–15 лет) является скорее исключением, с этого возраста брак становится возможным и его вероятность постепенно возрастает до примерно 20 лет. Заключение брака после 20 лет уже может рассматриваться как позднее и требует дополнительного объяснения.

Вернёмся к князю Ростиславу Михайловичу. Произведём простое арифметическое действие и вычтем из 1243-го года 14 или 15 лет — мы получим, соответственно, 1228-й или даже 1229-й годы. Это самые *поздние* возможные даты рождения Ростислава, основанные на времени его вступления в брак с Анной. Если мы предположим, что Ростислав женился на венгерской принцессе не сразу по достижении «порогового возраста», а в чуть более приемлемые 16 или 17 лет, то мы получим те же 1226-й и 1227-й годы, которые

16 Подробнее см.: Харди Ё. *Итинераріј Ростислава Михаиловича*, 71–74, 125.

17 Вопрос о детях Ростислава в Венгрии и династических связях его потомков с правителями государств средневековой Европы был затронут в нашей книге: Мартынюк А.В. *До Герберштейна*, 185–191.

18 Датировка уточнена Д. Харди. Согласно его исследованию, Михаил и Ростислав находились при дворе венгерского короля в самом конце 1239 г. или (вероятнее) в первых месяцах 1240 г.: Харди Ё. *Итинераріј Ростислава Михаиловича*, 43–45, 124.

19 См. прежде всего: Домбровский Д. *Генеалогія Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.)*. СПб., 2015.

20 Домбровский Д. *Генеалогія Мстиславичей*, 47–48.

следуют из даты его постригов. Итак, данные о *единственном достоверно известном браке* Ростислава также указывают на время его рождения во второй половине 1220-х гг. Искусственное увеличение возраста Ростислава требует от исследователя дополнительных действий: необходимо либо искать объяснение, почему князь долгое время оставался неженатым, хотя династическая и политическая логика требовала заключения брака, либо подыскивать ему первую жену на Руси — неизвестную по источникам. Такой путь не является априорно неверным, однако он требует какого-то существенного основания в источниках, помимо простого желания «увеличить возраст» Ростислава. Без такого основания оба действия являются избыточными и попадают под действие «бритвы Оккама».

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные непротиворечиво указывают на рождение князя Ростислава во второй половине 1220-х гг., вероятнее всего около 1227 г., с возможным незначительным отклонением от этой даты в ту или другую сторону.

Итак, почему важна эта дата?

Постараемся ответить на второй вопрос, вынесенный в заголовок данной статьи — почему важна дата рождения князя Ростислава Михайловича. Следует наметить два больших проблемных блока, которые мы условно определим как *генеалогический* и *летописный*.

Генеалогия князей черниговского дома — один из самых спорных и сложных для изучения вопросов истории Руси. Черниговское летописание не сохранилось, сведений о местной династии крайне мало, а с середины XIII в. на Черниговскую землю и её князей вообще пала «киммерийская тьма» (позволим себе применить к Чернигову эту метафору Михаила Грушевского относительно истории Галицко-Волынского княжества). Немногие исследователи рискуют в такой ситуации углубляться в вопросы генеалогии черниговских Ольговичей; в качестве одной из заслуживающих внимания попыток следует отметить недавнюю статью Станислава Келембета²¹.

Ситуация осложняется ещё и тем, что отец Ростислава, Михаил Всеволодович, стал после своей мученической кончины в 1246 г. одним из самых почитаемых святых русского средневековья, к которому возводили своё происхождение многие княжеские династии — черниговские, брянские и особенно многочисленные верховские. Долгое время эти традиционные генеалогии не ставились под сомнение *принципиально*, разумеется, при наличии многих конкретных спорных вопросов исторического и генеалогического

21 Келембет С.Н. Великие князья Черниговские: монгольский период (1246–1372 гг.). *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*. Вып. 11, 2018, 72–113.

характера. Однако с недавних пор в историографии получила распространение радикальная позиция, признающая наличие у князя Михаила Всеволодовича всего двух или трёх «достоверных» детей: самого Ростислава, Марии и, возможно, ещё одной дочери²². Данная позиция наделяет изгнанника Ростислава статусом единственного сына Михаила Всеволодовича и, соответственно, «делегитимизирует» всё потомство Михаила на Руси. Такая точка зрения представляется нам гиперкритической: нет оснований тотально отрицать родовую память и связанную с ней историческую традицию XIII–XVI вв. Нам ближе точка зрения Станислава Келембета, согласно которой у Михаила были наследники мужского пола и помимо Ростислава, а значит, не все потомки святого князя «измышлены» позднейшими родословцами²³. Разумеется, данная проблематика является предметом научной дискуссии, которая ещё далека от завершения.

Даже если Ростислав и не был единственным сыном Михаила Всеволодовича, от определения даты его рождения будет многое зависеть в генеалогии черниговских князей. Как кажется, источники свидетельствуют об особом отношении Михаила к сыну: он брал его с собой в дальние походы и путешествия, садил на княжеские столы в Новгороде и Галиче, представлял при иноземных дворах в Польше и Венгрии. Значит ли это, что Ростислав был старшим сыном Михаила Всеволодовича — долгожданным поздним наследником? Или, напротив, он был любимым младшим сыном, которого отец брал с собой в иные города и страны, в отличие от его братьев, обеспе-

22 См., напр.: Домбровский Д. *Генеалогия Мстиславичей*, 307–308; Беспалов Р.А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы). *Проблемы славяноведения*. Вып. 13. Брянск, 2011, 63–97. Д. Домбровский допускает наличие у Михаила трёх детей (Ростислав, Мария и Ефросинья Теодула), Р.А. Беспалов ограничивается двумя (Ростислав и Мария), формулируя, таким образом, наиболее бескомпромиссную позицию по поводу «нового потомства» святого князя на Руси в современной историографии.

23 Исследователь подробно рассматривает вопрос о Романе «Старом», князе брянском и черниговском, и не без некоторых колебаний приходит к выводу, что он действительно мог быть сыном Михаила Всеволодовича, как об этом говорят родословцы (Келембет С.Н. *Великие князья Черниговские*, 85–100). Основным аргументом против этой версии является тот факт, что дочь Романа Брянского Ольга стала в 1263 г. женой Владимира Васильковича, племянника князя Даниила Романовича и «Елены», супруги Михаила Всеволодовича, что было бы невозможно по церковным канонам. Однако С. Келембет справедливо отводит данный аргумент указанием на то, что Ростислав и Роман могли происходить от разных матерей. Это ещё раз подчёркивает важность установления фиксированной даты рождения Ростислава для понимания ситуации в династии черниговских князей, о чём мы говорим в данной статье. Не вдаваясь в дальнейшее рассмотрение этого вопроса, отметим, что нам представляется обоснованным предположение о двух браках Михаила Всеволодовича, от первого из которых происходили Мария и Роман, а от второго — Ростислав. Мария вышла замуж в 1227 г.; Роман упомянут в *Галицко-Волынской летописи* в 1263 г. как отец четырёх дочерей, *младшую* из которых он в этом году выдал замуж, и *старейшего* сына Михаила, что предполагает наличие других сыновей, один из которых (Олег), действительно появляется в дальнейшем повествовании летописи. Значительный возрастной разрыв между Марией и Романом с одной стороны, и Ростиславом — с другой, очевиден.

ченных уделами в родной земле?²⁴ Определение даты рождения Ростислава (например, 1227 г.) позволит получить некую «точку отсчёта» в генеалогии черниговских Ольговичей в XIII в. Относительно этой точки появляется возможность ставить вопрос о том, что было «до» (а когда, собственно, родился; когда и сколько раз женился сам Михаил Всеволодович; о чём может говорить такое позднее появление у него сына?), «во время» (что мы можем сказать о «хронологических окнах» для рождения других сыновей Михаила?) и «после» (кто и почему наследовал Михаилу в Черниговской земле; есть ли основания для тезиса, что потомство святого князя на Руси является порождением легендарных родословий?). Таков, в самом общем приближении, тот круг вопросов, на которые стараются дать свои ответы исследователи. Резюмируя, можно сказать, в генеалогии черниговских Ольговичей в XIII в. есть большой комплекс проблем, который частично фокусируется на вопросе — когда родился Ростислав, единственный сын Михаила Всеволодовича, «достоверность» которого не вызывает сомнений.

Вторым проблемным комплексом является *летописный*, а именно образ князя Ростислава Михайловича в *Галицко-Волынской летописи* — нашем основном источнике по истории Южной Руси в XIII в. Жанровая принадлежность данного памятника также является в настоящее время предметом активной научной дискуссии²⁵. Вне зависимости от её итогов очевидно, что перед нами произведение талантливого, но крайне пристрастного автора²⁶. Применительно к Михаилу Всеволодовичу и его сыну Ростиславу можно с полным основанием говорить, что они стали жертвой «чёрной легенды», и мы смотрим на них глазами их противников. Придворный летописец (а точнее — панегирист) Даниила Романовича не пожалел для Михаила Всеволодовича и его сына Ростислава самых мрачных красок. Именно он создал образ коварных, но трусливых и неудачливых черниговских князей, постоянно

24 «Но и для этого (отправления Михаилом Ростислава в Чернигов в 1241 г. — *А.М.*) могли иметься какие-то особые причины, например, близкие отношения отца с младшим сыном, или даже конфликт со старшим», — пишет исследователь генеалогии князей черниговского дома (см.: Келембет С.Н. *Великие князья Черниговские*, 97).

25 См., напр.: Комендова Й. Жанр Галицко-Волынской летописи в типологической перспективе. *Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования*. Jitka Komendová a kol. Оломоуц, 2016, 79–88. См. также вступительную статью в новейшем научном издании памятника, подготовленном Д. Домбровским и А. Юсуповичем: *Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów)*. (Monumenta Poloniae Historica. Nova series — Tomus XVI). Ed. D. Dąbrowski, A. Jusupovič. Kraków, Warszawa, 2017, XLI–LII. Польские исследователи сочли возможным решительно отойти от историографической традиции и внести своё понимание жанра этого памятника как династической хроники в заголовок издания.

26 Считаю возможным в рамках данной статьи говорить обобщённо об «авторе» интересующей нас части *Галицко-Волынской летописи* (а именно «галицкой», до примерно 1260 г.), не вдаваясь в вопрос о последующих переработках текста и их интенциях. О методах работы этого автора, см., напр.: Мартынюк А.В. «Хронографу же нужна есть писати все», или как Даниил Галицкий не взял Оломоуц, а летописец превратил поражение в победу. *Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования*. Jitka Komendová a kol. Оломоуц, 2016, 117–130.

терпящих поражения, но не перестающих злоумышлять против Даниила. Такое восприятие Ольговичей перекочевало из *Галицко-Волынской летописи* в научную историографию XIX–XX в. и продолжает ощутимо сказываться даже в начале XXI в., несмотря на тенденцию к переоценке и переосмыслению роли исторических деятелей Руси. Некритичное восприятие созданного *Галицко-Волынской летописью* образа можно заметить в словоупотреблении многих историков XX — начала XXI вв. Так, князь Михаил Всеволодович традиционно «бежит» перед монголами в Венгрию и Польшу, в отличие от Даниила Романовича, который в точно такой же ситуации «отправляется за помощью» к своим западным соседям²⁷.

В данном нарративе Ростислав Михайлович играет роль своеобразного антипода «идеального князя и короля» Даниила. Эта роль закрепляется яркими личностными чертами, которыми наделяет Ростислава автор *Галицко-Волынской летописи* (см. ниже про битву под Ярославом), и/или прямыми характеристиками, закрепляющими его статус главного врага Даниила («Ростислав же вдинако не престааше в злѡбѣ своєї»²⁸ и т. п.). Многое в нашем понимании событий в Галиче и на Волыни в 1230-х и 1240-х гг. изменится, если мы отойдём от этого нарратива и основанной на нём историографической традиции. Правильно определив возраст Ростислава, мы поймём, зачем придворный панегирист Даниила Романовича занижал его возраст и как он конструировал образ «победоносного Даниила». Посмотрим на некоторые события политической истории региона, постоянно удерживая в памяти вероятную дату рождения Ростислава — 1227-й год.

В 1238 г. князь Даниил Романович внезапно подступил к Галичу и овладел городом, воспользовавшись отсутствием в нём Ростислава, который отправился с войском в поход «на Литвоу»²⁹. Придворный летописец Даниила описывает события с должным пафосом: «Се есть держатель наш, Богом данный», — восклицают галичане и устремляются к нему «как дети к отцу, как пчелы к матке, как жаждущие воды к источнику». Действительно, Даниил Романович добился несомненного военного и политического успеха, пафос которого, однако, несколько потускнеет, если знать, что Даниилу противостоял ребёнок одиннадцати лет от роду.

В 1240 г. король Бела IV не дал Ростиславу в жёны свою дочь («король же не вдасть дѣвки своєї Ростиславоу»)³⁰. Практически каждый исследователь политической истории Галицко-Волынской земли считает необходимым отметить этот факт и высказать предположения о мотивах отказа венгерского

27 Данная проблема была затронута нами в специальной статье, там же см. соответствующие цитаты из работ историков: Мартынюк А.В. «Неявленные мученики»: к пониманию образа святого Михаила Всеволодовича, князя черниговского. *Colloquia Russica*. Series I, vol. 8. Kraków, 2018, 273–279.

28 ПСРЛ 2: 793.

29 ПСРЛ 2: 777.

30 ПСРЛ 2: 783.

государя в 1240 г. и изменения его позиции тремя годами позднее. Между тем, вероятно, вопрос решается значительно проще: в первом случае Ростислав ещё не достиг «брачного возраста» (ему было тринадцать лет). Дочь короля Венгрии он получил в жёны в 1243 г., когда ему исполнилось шестнадцать лет — в полном соответствии с практикой бракосочетаний в Древней Руси и Венгрии и критериями брачного возраста по определению Д. Домбровского.

По-иному можно взглянуть и на деятельность Ростислава в первой половине 1240-х гг., во время последнего этапа ожесточённой борьбы за Галич. Обратимся к обстоятельствам битвы под Ярославом 17 августа 1245 г., которой летописец посвятил пространный рассказ³¹. Лейтмотивом является прославление Даниила Романовича, а одним из основных используемых для этого приёмов — противопоставление ему Ростислава Михайловича и негативная характеристика последнего. Князь бахвалится, что выедет против Даниила даже с десятью воинами; устраивает турнир («игру») под стенами города, в ходе которого получает травму; во время битвы разделяет свои силы, оставив пехоту («пѣшцѣ») под городом и пр. За бахвальство, неразумие и надменность («высокомыслие») Ростислава Господь наказывает его поражением. Даже если мы в этом случае поверим летописцу на слово, описанные негативные качества Ростислава предстанут в ином свете, если мы вспомним, что он был ещё юношей: бахвальство и безрассудство если и не простительны, то вполне объяснимы в 18 лет.

Представляется, что данных примеров достаточно, чтобы понять интенцию *Галицко-Волынской летописи* в «вопросе о Ростиславе Михайловиче». Придворный панегирист Даниила Романовича сознательно манипулировал возрастом князя Ростислава, создавая у читателя впечатление, что Даниилу противостоял взрослый муж, равноправный противник. Магия автора *Галицко-Волынской летописи*, сконструировавшего монументальный образ князя и короля Даниила (в том числе на противопоставлении с Ростиславом при сознательной фальсификации возраста последнего), довлевшая над историографией 150 лет, может начать рассеиваться, если мы увидим, что «великий полководец» Даниил многие годы воевал с мальчиком и юношей.

Заключение: приглашение к дискуссии

Суммируем ещё раз всё вышесказанное. Вопрос о дате рождения князя Ростислава Михайловича является сложным, но отнюдь не таким безнадежным, как это представляется в работах некоторых исследователей. В нашем распоряжении есть три «реперные точки» для определения возраста Ростислава:

31 ПСРЛ 2: 800–805. Повествование о битве под Ярославом является, пожалуй, наиболее подробным описанием битвы в древнерусском летописании. По размеру оно превосходит рассказ о нашествии монголов на земли Северо-Восточной Руси (ПСРЛ 2: 778–781), а также о взятии ими Киева и разорении собственно Галицко-Волынского княжества (ПСРЛ 2: 784–786).

- 1) дата и обстоятельства первого появления в источниках, косвенно указывающие на время рождения;
- 2) год постригов Ростислава и возможности типологического сопоставления с традицией княжеских постригов;
- 3) данные о браке и «брачный возраст» князя.

Все три пункта указывают на рождение Ростислава во второй половине 1220-х гг., ок. 1227 г. Нет серьёзных оснований искусственно увеличивать возраст князя и относить дату его рождения к 1210-м гг. Более того, такой перенос требует насилия над источниками. Автор данного текста предлагает в дальнейших дискуссиях сосредоточиться именно на этих конкретных пунктах, основанных на источниках, а не на обсуждении гипотетических *возможностей* его более раннего рождения. Князь Ростислав *мог*, конечно, родиться и в 1220-м, и в 1215-м, и даже в 1210-м году. Теоретически он *мог* появиться на свет даже на рубеже веков (если принять время рождения его отца Михаила Всеволодовича ок. 1180 г.)³². Однако эти *возможности* остаются схоластическими, свои основания они черпают не в данных источников, а в желании любой ценой увеличить возраст князя Ростислава, чтобы сохранить существующую историографическую схему, более «привычную» и «удобную». Любая историографическая схема имеет право на существование – но только до того момента, когда она начинает вступать в противоречие с источниками и препятствовать пониманию исторических событий.

Республиканский институт высшей школы, Минск

32 Рассмотрение данного вопроса требует, конечно, более подробного анализа сведений о матери Ростислава — «Елене», дочери Романа Мстиславича и сестре Даниила — и установления даты её брака с Михаилом Всеволодовичем. На данный момент наиболее обоснованной является точка зрения Д. Домбровского, датирующего этот брак 1211–1212 гг. (Домбровский Д. *Генеалогия Мстиславичей*, 307). Однако если мы продолжим говорить о *возможностях* и будем исходить из имплицитного желания увеличить возраст Ростислава, то можно найти «аргументы» (в кавычках и без оных) также для увеличения возраста «Елены» и корректировки даты её брака с Михаилом в сторону удревнения, учитывая всю сложность вопроса о браках Романа Мстиславича и посвящённую им огромную научную литературу.